

Сергей ИЗОТОВ

Сенеж – Смоленск, май 1994 г.

БОРИС ВАСИЛЬЕВ: «В РУССКОМ ЯЗЫКЕ «ВОЛЯ» И «СВОБОДА» – РАЗНЫЕ ПОНЯТИЯ»

– Сейчас как-то принято восстанавливать свою родословную. Несколько слов о своих корнях.

– Мои родители из дворян Смоленской губернии. Мама моя по девичьей фамилии Алексеева и происходит из довольно известного рода псковских дворян, переехавших на Смоленщину. Один из предков – Александр Алексеев, поручик гусарского полка, известен пушкинистам, поскольку именно у него в Кишиневе жил Александр Сергеевич Пушкин. У него также сохранились запрещенные цензурой строфы из пушкинского Андре Шенье, которые ему вручил сам поэт. Один из моих дедов был учителем Сергея Львовича Толстого, старшего сына Льва Николаевича. Именно он, Василий Иванович Алексеев, спас Евангелие Толстого: Толстой дал ему на ночь почитать, а он за ночь переписал все Евангелие. Толстой же свой единственный экземпляр послал в Священный Синод, где тот и был похоронен. И если бы не экземпляр, сохранившийся у моего деда, мы даже и не знали бы об этом произведении. Впрочем, достаточно подробно и достоверно все это описано в автобиографическом романе «Были и небыли».

Отец мой из служивых дворян – дворянство его предки получили в XIX веке, дослужившись то ли по церковной, то ли по военной линии – не могу точно сказать. Отец прошел империалистическую войну, закончив ее ротным командиром, и добровольно, вместе со своими солдатами, перешел на сторону красных. Он очень не любил рассказывать свою биографию. Но незадолго до его смерти я все-таки попросил рассказать, почему дворянин пошел за большевиками. На что отец ответил: «Я не за большевиками пошел, а за своими солдатами, которых не мог бросить в кризисный момент. С другой стороны, государь своим отречением от престола освободил офицеров от присяги – и каждый был свободен в своем выборе».

Родительское имение находилось в селе Высоком недалеко от Ельни. Ходить я научился на Смоленской земле, в этом имении, где сейчас сохранились две парковые аллеи.

– С чем связано, что писатель, художник слова Борис Васильев обратился к публицистике: я имею в виду цикл статей в «Известиях» «Люби Россию в непогоду» и публикацию «Россия: Четыре книги Бытия» в журнале «Октябрь»?

– Публицистика – это наиболее оперативный способ передачи своих мыслей не в системе образов, а в прямом обращении к читателю. Когда началось брожение в обществе, мне захотелось рассказать, что я думаю по этому поводу, поделиться своим мнением о причинах. И когда журнал «Октябрь» попросил меня написать статью, я не мог отказаться от истории, потому что история повторяется – и не всегда в виде фарса, а, к сожалению, чаще всего в виде трагедии. Во всяком случае, у меня такое ощущение. Я русскую историю очень хорошо знаю – всегда мечтал быть историком. Но помешала война. В то время литература была просто моим увлечением. А сейчас наоборот: литература стала профессией, а история – постоянным увлечением, на всю жизнь.

Я и сейчас занимаюсь публицистикой, потому что иногда приходят идеи, требующие не художественного воплощения, а прямого воздействия. Я пишу 3-4 статьи в год. Есть журнал московской интеллигенции «Московский клуб», который их регулярно печатает. В каждом номере есть моя статья о разных периодах нашей истории, где

изложена моя точка зрения на происходящее. Так что с публицистикой я не закончил, хотя в последнее время пишу роман (*как выяснилось впоследствии, «Конунг и князь» – С. И.*). Но это не мешает мне работать. Публицистика оперативнее. Сейчас очень быстро все меняется, и современный роман почти невозможно написать.

– Потому-то, наверное, Вы и перешли на исторические темы?

– Да. Другое дело, что в исторической теме я могу отразить что-то современное, что и стараюсь делать. Сейчас у всех очень большая тяга к русской истории, которая была сильно мифологизирована; и до советского периода тоже, в большой степени. А советский период – одни сплошные мифы, так что места для истории и не осталось. Поэтому хочется в доступной форме рассказать подрастающему поколению, чтобы они знали, на какой земле живут и что делали их предки.

– Возвращается в Россию Александр Исаевич Солженицын. Ваше отношение к этому человеку?

– Я отношусь к нему с огромным уважением, потому что знаю, как он не хотел уезжать из России – его буквально силой вытолкали за границу. Я очень рад, что он нашел в себе талант, волю и мужество сохранить там все свои способности и продолжать работать. И пишет он ведь только на русскую тему – в этом смысле Солженицын очень русский человек, который Россию унес с собой. Не каждому это удастся. Нужно быть великим эмигрантом, чтобы унести Россию в душе. Такие есть и были в русской истории – вот он один из них.

– Что Вы думаете по поводу демократии?

– Идеальных способов правления в мире не существует. Но на сегодняшний день демократия – пока самое высшее достижение человечества. Причем она требует определенного уровня культуры. Почему, например, демократия с большим трудом приживается в нынешней России? Да все потому, что культурный уровень нашего человека не позволяет воспринять демократию. Для него она непонятна. С моей точки зрения, сейчас основная беда в России – это глубоко укоренившаяся недостаточность существующего культурного уровня: никто не стремится подняться выше.

– Как Вы пишете?

– Я никогда не ставил себе задачи написать что-то помимо идеи и никогда не сажусь за стол, пока у меня не родилась идея, которую очень трудно сформулировать словами. Я ее чувствую, а она вытекает только образно, в процессе каких-то доказательств, столкновений мнений и т. п. С этой идеей носишься, пока не сообразишь, в какой системе образов ее нужно решать. И на это уходит какое-то время. Когда сообразил, становится легче. Второй этап – начинаешь искать носителя главной идеи. И не всегда это удается сделать. Лучше всего у меня получилось в романе «Не стреляйте белых лебедей», когда я нашел Егора Полушкина – безгрешного, святого человека, несущего мою авторскую идею. И вот когда появляется главный герой, я сажусь писать. Начинается самый мучительный период. Для меня всегда очень трудна первая фраза. Я ее неделями ищущу: исписываю массу бумаги, вычеркиваю, выбрасываю. Потому что очень часто первая фраза определяет последующий ритм всего повествования. Первые несколько фраз для меня всегда ключевые. И если я поймал интонацию, которая меня устраивает, то дальше могу спокойно работать: все идет как бы само собой.

– Если бы от Вас зависело быть или не быть в России смертной казни, как бы Вы поступили?

– Вообще я противник смертной казни. Жизнь дается человеку один раз. Второй раз никто никогда не живет, и жить не будет. Человек – это, в определенной степени, замкнутый мир, со своими собственными законами и отнимать этот мир – грех. Но в

истории народов бывают такие периоды, когда единственным условием существования нации является элемент сурового наказания. И таким суровым наказанием всегда является отнятие жизни. Мы сейчас переживаем как раз такой период: у нас есть смертная казнь как таковая. Но и не должно быть невероятного помилования – совсем недавно я прочитал, что из 144 смертных приговоров 123 – отменены. Ведь зачем нужна смертная казнь? Для сдерживания преступного мира. Что делает, например, Америка – в общем-то, спокойная, безопасная страна? Все эти американские фильмы со стрельбой на каждом шагу – полная ерунда, картиночки: на улицах вы там стрельбы не услышите. Однако смертная казнь сохранена в ряде штатов. И когда в США совершается смертная казнь – об этом знает вся Америка. Не сам момент казни, конечно, это запрещено показывать...

– А на Руси казни всегда были на площадях...

– Вот это и было устрашением. Причем, не только на Руси, но и в Европе: Жанну д'Арк тоже сожгли не в подвале и не в крематории, равно как и Стеньке Разину отрубили голову на Лобном месте. Это нравы того времени, и нам трудно на них ориентироваться: каждая эпоха имеет свои нравственные законы и судить ее можно только по законам своего времени.

Казнь, конечно, варварство, но сегодня я против отмены смертной казни. Я за то, чтобы она не так легко отменялась, как это делается сейчас. И дело даже не в том, чтобы всех этих распоясавшихся бандитов перестрелять, а чтобы они сами почувствовали: да, оказывается, преступления караются – и очень строго.

Нравственность, с моей точки зрения, определяется степенью защищенности женщины. Если государство не может защитить женщину, – значит, нравственность в этой стране упала. Женщина пытается спасти себя сама: старается вечером не ходить, а если ходить, – то в надежном окружении. Молодые женщины и особенно девушки живут в постоянном страхе. Разве это допустимо? То есть по уровню преступности мы вернулись в средневековье, когда женщина тоже была товаром, и украсть которую считалось только доблестью. Все это, действительно, страшно. И здесь должна быть разумная суровость. Поймите меня правильно, я не призываю к жестокости, я призываю к разумной суровости. Но пока ее у нас нет, потому что нет хорошего, нормального, отработанного судопроизводства. Оно у нас пока очень хаотично: его никто не соблюдает, законов точных нет. По этому поводу хочется вспомнить реформы Александра II. После указа об отмене крепостного права следующий у него по номеру – о судопроизводстве, т.е. об охране освобожденного человека. Правительство прекрасно сообразило, что если барина нет, то нет охраны – значит, нужно ввести государственную охрану. А это и есть судопроизводство – государственная охрана личности. Что царь и ввел в первую очередь – давайте, сначала рамки определим, чтобы воля превратилась в свободу, а уж потом займемся экономической политикой. В русском языке «воля» и «свобода» – разные понятия: на волю отпускал барин, а на свободу – государство. А у нас сегодня получилось так, что всех отпустили на волю. Почему сейчас такое брожение в обществе? – Да потому, что мы не ощущаем свободы, свобода требует рамок, ограничений, но их пока нет. Отсюда и разгул преступности, и неисполнение приказов, и воровство. Потому что мы пока себя ощущаем на воле, а не на свободе. Вот когда станем ощущать себя на свободе – тогда и возникнет у нас нормальное цивилизованное общество, все придет в равновесие – и мы обретем смысл общенародного существования.

– А как скоро это может быть?

– Я не могу точно назвать срок, потому что не являюсь пророком. Я тоже в определенной степени жертва того демократического романтизма, который охватил нас в конце 80-х – начале 90-х годов: тогда мы искренне верили, что завтра все будет нормально. А потом убедились, что ничего нормального не получается: рамок нет. Господствует воля, а не свобода. А воля государством совершенно не управляется. И когда все придет в норму, сказать не могу. У нас слишком много прорех. У нас нет

достаточного количества хороших судей. А те, которые есть, – малообразованны, нерешительны и плохо защищены. А судья должен быть хорошо защищен, чтобы без его участия, как это делается, например, в англосаксонских странах, не принималось ни одного мало-мальски важного решения. Все должно быть освещено толкованием закона. У нас пока все наоборот.

Могу привести еще пример. Американская демократия – далеко не идеальная. Существуют более прочные, спокойные и уравновешенные системы – в Германии, скандинавских странах. Но американская демократия всегда поражает нас своим культом закона. Любой преступник прекрасно понимает, что стрелять в полицейского нельзя – это равносильно самоубийству. То же самое мы видим и в Англии, где полицейский с одной только дубинкой в руках идет на вооруженного преступника, зная, что практически в него не выстрелят. Потому что там царит строгая защита любых служителей закона: будь то судья или следователь, детектив, дознаватель или полицейский. Даже свидетелей охраняет закон, потому свидетели и не боятся давать показания.

– Интеллигент... Как его воспитать?

– Если специалиста готовит государство, то интеллигента готовит семья. Самое главное в процессе воспитания – первые 5-6 лет жизни человека. В эти годы все дети одинаково гениальны, потому что невероятно трудолюбивы и внимательны – запоминают решительно все. И это надолго откладывается в их головках. Много зависит от того, что именно они должны запомнить на всю жизнь, какое поведение родителей. Ведь дети все видят. У них во-от такие глазки, во-от такие уши! Они кожей воспринимают все! Значит, если при ребенке постоянно мат и пьянка, то, извините, из него вряд ли получится интеллигент. Он может хоть десять университетов закончить, но подобный способ развлечения он уже запомнил. Если ребенок будет видеть постоянные ссоры между отцом и матерью, то почти обязательно он вырастет конфликтным человеком.

Все мы рождаемся одинаковыми, и только культура делает из нас людей, общая культура. И прежде всего – культура семьи. Каждый человек воспитывается на том уровне, которым на данный момент обладает семья. Значит, если ты получил приличный старт: если тебя в маленьком возрасте научили любознательности, привили любовь к книге, приучили задавать самому себе вопросы и искать на них ответы, – то ты самостоятельно сможешь повысить свой уровень. Школа сама по себе только шлифует чуть-чуть, дает образование. Но на одном образовании интеллигента никогда не сделаете. Немыслим интеллигент с богатыми знаниями и низкими нравственными посылами. А нравственные принципы закладываются в семье. Я говорю о городской культуре, на селе их обычно закладывала церковь. Но это были те же самые вечные нравственные принципы. Нам нужно восстанавливать семью, потому что естественный прирост интеллигенции лежит только через семейное воспитание. Это проще и государству, и народу. Это привычней. Это традиция русская.

– За последние год-два произошло ли какое-то событие, важное именно для Вас?

– Я не могу сказать, что было подобное событие: ведь все события как-то немножко ожидаемы. Меня не столько тревожит сейчас какое-то определенное событие или развитие каких-то событий. Я, к глубокому своему сожалению и горечи, все больше и больше убеждаюсь в том, сколь низок уровень культуры подавляющей массы населения... Не знают истории, не знают церковного учения – все эти крестики на шее не больше, чем мода или суеверие, которые раздражают, настоящая вера, все-таки, вызывает уважение... Образование давали скверное, да и к нему не стремились особо. Семья разрушена, традиции тоже... Мы очень многое потеряли в великой русской культуре. На свете мало стран с таким огромным культурным запасом, как у России. Но ведь эту же культуру не знают, ею же не пользуются, так – какие-то отрывочные сведения, мифы...

– Борис Львович, от имени всех смолян я поздравляю Вас с днем рождения! Желаю Вам здоровья, успехов и творческого долголетия! Что, в свою очередь, Вы хотели бы пожелать землякам?

– Чтобы каждый проникся определенным уровнем спокойствия. Я понимаю, как людям трудно живется: многого чисто в бытовом плане мы лишились, на улицах тревожная обстановка. Но пока каждый из нас внутренне не успокоится, пока не перестанет терзать себя и окружающих – ничего не изменится. Этим мы только затормозим нормальный процесс возрождения нации и страны. Надо быть более терпимым к окружающим. Надо уходить от ссор и все вопросы решать спокойно, признавая за каждым человеком право на собственное мнение. В мире нет ни «красных», ни «белых» – есть просто люди. Не надо конфронтации. И если в вашей семье будет высокий уровень терпения и спокойствия, то это неминуемо распространится на окружающих. И о детях помните – им жить. Жить надо ради них, а не ради самоутверждения. Не надо самоутверждаться! Надо детей укреплять на земле!

Беседовал Сергей Изотов
Сенеж – Смоленск, май 1994 г.

От всей души желаю моим землякам
и коллегам смоленским писателям творчес-
ких удач в наше, ой, трудное время. Верьте
в себя, в свои силы, в свое призвание, и
все будет хорошо. Я в это верю.

Ваш Б. Львович